

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ДОРОГАЯ НАХОДКА

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Седьмая линия

Анастасия Валеева

Дорогая находка

«Научная книга»

Валеева А.

Дорогая находка / А. Валеева — «Научная книга», — (Седьмая линия)

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется расследовать очередное дело – о самоубийстве пожилой женщины. Дело закрыто, но Яна уверена – это лишь звено в цепи событий, которые ловко подстроены алчным преступником, ведь речь идет об очень больших деньгах...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анастасия Валеева

Дорогая находка

ГЛАВА 1

– Джемма, успокойся, ради бога! Ну что ты взялась, в самом-то деле? – посмеиваясь и умиляясь повадками своей любимицы, произнесла Яна Милославская и потянула рвущуюся к калитке собаку за ошейник.

Железная щеколда неугомонно прыгала вверх-вниз, и, естественно, воспитанная по всем правилам азиатская овчарка стерпеть этого не могла. Она во что бы то ни стало рвалась показать хозяйке свою преданность, а непрошеному гостю – умение защищаться. Собака оскалила зубы, угрожающе приподняла хвост, шерсть ее вздыбилась.

Гость, действительно, был непрошенный. Встав рано утром, Милославская отправилась на местный рынок. Всю неделю она была занята, и теперь ее холодильник был бессовестно пуст, так как запасы съестного в нем давно уже не пополнялись.

Вообще, Яна не была любительницей готовить и больше предпочитала меню какого-нибудь небольшого уютенького кафе или недорогого ресторанчика, чем свою стряпню, занимаясь которой у нее никогда или почти никогда не было настроения. Однако бывали моменты, когда просто не было сил или желания выходить из дома в «поисках пищи», да и гости могли внезапно нагрянуть. Как-никак на такой случай какая-нибудь провизия в запасе все-таки должна была иметься.

Доверху набив продуктами две порядочные авоськи, Милославская, переваливаясь с боку на бок и периодически останавливаясь для передышки, добралась до дома. Разложив припасы по полкам и шкафам, Яна вдруг заметила, что в ее жилище как будто давно уже не наводился порядок, и под настроение, взяв ведро и тряпку, она энергично стала натирать все и вся.

Силы ее в итоге иссякли окончательно. Приняв прохладный душ и накормив собаку, она сварила себе кофе и собиралась, выпив чашечку-другую, немного поваляться в постели, а если получится, то и вздремнуть. Она накинула коротенький легкий шелковый халатик, подсушенные волосы повыше заколола крупными шпильками и, поджав под себя ноги, уселась в кресло с чашкой кофе напротив телевизора.

В этот самый момент щеколда и залязгала, да как-то озлобленно, громко, словно с перепугу.

– Кто это?! – удивленно воскликнула Милославская и вопросительно посмотрела на свою собаку, которая, до того вытянувшись у нее в ногах, вдруг поднялась на лапы и угрожающе зарычала.

Реплику хозяйки Джемма поняла как призыв и, не дожидаясь дополнительных указаний, неистово бросилась к двери, которую Яна не закрыла, а просто занавесила легкой тюлевой тканью, так как на улице уже около недели стояла тридцатиградусная жара.

В три прыжка преодолев пространство двора, собака достигла калитки и стала кидаться на нее, лая все громче и яростней.

– Ну, ну же! – теперь уже строго прикрикнула Милославская на Джемму, и та сразу замолчала, но готовой к прыжку позы не изменила.

Яна и сама не знала, встреча с кем сейчас ее ожидает, но она всегда всецело могла положить на овчарку, поэтому действовала смело и уверенно.

Засов скрипнул, Милославская приподняла щеколду и потянула на себя ручку калитки.

– Э-кхе-хе-хе! У-ха-ха! – раздался ей в лицо радостный смех.

– О-о-о.... Какие люди! – с искренним удивлением и взаимной радостью протянула Яна.

– Не ожидала? – обхватив Милославскую пухлыми горячими руками и целуя ее в обе щеки, горделиво спросила Марина.

– Как же, ожидала она, – с шутливой привередливостью подхватил ее муж, – сидит тут, как затворница, халата не снимает!

– Да это я... Я только из душа, – невольно краснея, стыдливо пробормотала Яна и стала оправлять халат. – Проходите, проходите, – улыбаясь во весь рот, проговорила она, – Джемма, уйди, не мешайся под ногами!

– Скорее, ты у нее мешаешься! – смеясь, заметила Марина и осторожно покосилась на собаку.

Овчарка нехотя отошла в сторону.

Джемма была невероятно сообразительным животным. Эту чистопородную среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило.

– Подрос твой кутенок, подро-ос, – покачивая головой, протянул Саша, Маринин муж.

– Неужели! – с укором ответила Милославская. – Вы когда у меня последний раз были-то?

– А сама-то не могла приехать? – уперев руки в бока, парировала Марина.

Яна в ответ только виновато вздохнула.

– Забралась, понимаешь, в это Простоквашино, – почесывая в затылке и взглядом обводя двор, протянул Саша, – и еще хочет, чтобы светские люди ее регулярно навещали. Нет уж, моя дорогая, не бывает так, чтоб и волки были сыты и овцы целы...

Простоквашиным в городе называли все его окраины, и те, кто жил в центре или хотя бы поблизости от него, произносили это слово с каким-то особенным снобизмом и пренебрежением.

Милославская и на самом деле жила далеко не в самом престижном, зато тихом и спокойном районе города, называемом Агафоновкой. Она имела, конечно, возможность поселиться где-нибудь в центре, но в определенный момент своей жизни всем прелестям цивилизации предпочла небольшой домик, заслоненный огромными ветвями дуба, росшего под самыми его окнами.

Яна поселилась здесь не так давно. Дом во время покупки его Милославской не представлял из себя ничего особенного и, судя по всему, был значительно старше своей новой хозяйки, однако по сравнению с дубом и он казался младенцем. Возможно, именно дуб сыграл тогда решающую роль. Огромный, могучий, сильный, он словно обещал защиту и поддержку, в которой женщина тогда очень нуждалась.

Теперь Яна, наверное, и не смогла бы объяснить, почему она выбрала для жилья именно это место. На момент его поиска она не располагала какими-либо внушительными средствами, но купить что-нибудь поприличнее все же было в ее возможностях. Старая скрипучая калитка на ржавой пружине, огромная металлическая щеколда – от всего этого веяло старыми добрыми временами, когда Яна была совсем еще девчонкой. Может быть, это тоже повлияло на ее выбор...

Теперь здесь, конечно, многое изменилось. Поселившись на новом месте и немного прийдя в себя, Милославская затеяла капитальный ремонт, наняла бригаду рабочих, и они в довольно короткие сроки изменили внутренность жилища до неузнаваемости. При своей патриархальности теперь оно было комфортно и не заставляло мечтать о лучшем. Лучшего, на самом деле, и пожелать было трудно.

– Хватит тебе, – с шутливой сердитостью тыкая мужа костяшками пальцев в затылок, произнесла Марина, – ворчишь, ворчишь... Старый, что ль, стал?

– Дед как-никак... – расплываясь в широкой улыбке, ответил Саша.

– Как?... – Яна всплеснула руками, не зная, шутят или правду говорят ее гости.

Марина в ответ часто закивала, закрыв глаза.

– Как же? Что? – затараторила Милославская, совершенно не ожидавшая услышать такую новость. – Ой, ну что же это мы все стоим тут?! Идемте, идемте в дом.

Она обняла руками обоих супругов и подтолкнула их ко входу в дом. Джемма, видя настроение своей хозяйки, вежливо освободила проход.

Перешагнув порог дома, Яна сразу проводила гостей в свой кабинет, обстановка которого, как ей казалось, наиболее располагала к подобным разговорам. Мало сказать, что интерьер кабинета был нестандартным, он приковывал внимание всякого, кто оказывался в нем, пусть даже и не впервые.

Милославская усадила Марину и Сашу на высокий диван, обитый дорогим зеленым бархатом. Напротив дивана величаво стояло старинное кресло со спинкой из темной бронзы. В него опустилась сама хозяйка. По-настоящему удивлял здесь изумрудного цвета ковер с вышитыми катренами Нострадамуса и очень дорогая и ценная статуэтка египетской кошки, которую иметь в своей коллекции мечтал, наверное, не один антиквар. Сама Яна, таинственная и загадочная для многих, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

– Ну как? Что? – нетерпеливо начала расспрашивать заинтригованная Милославская.

– О-ой, и не спрашивай, – с ложной усталостью ответила Марина и махнула рукой.

– Сынишка удивил, – подхватил Саша, – приходит однажды с улицы, поздно уж было, мы с Мариной спать легли, свет зажег, разбудил и спокойно так: «Женюсь, старики...»

– Как?! – ахнула Яна.

– Вот и наша такая реакция была! – заявила Марина, подальше откинувшись на спинку кресла. – Стали отговаривать: «Что ты, сынок?! Опомнись!» А он и слушать не хочет... – Марина смахнула слезу.

– Да ему лет-то сколько? – полная удивления, спросила Милославская. – Девятнадцать?

– Восемнадцать, – поправила Марина.

– С ума сошел... – Яна покачала головой.

– Женильба-то чего-о! – снова вступил в разговор Саша. – Мы с матерью как заявили – не даем своего согласия, так он: «А она беременная!» С Маринкой аж плохо стало. Ну тут уж куда деваться? Сами всегда ему про порядочность втирали. Пришлось и здесь от позиций не отступать. Женили...

– А неделю назад внук у нас родился, – теперь уже со слезами гордости сказала Марина. – Данилка.

– Ну а она-то ничего? – осторожно спросила Милославская.

– Аня-то, сноха? – Саша высоко вскинул брови. – Да хорошая девчонка! Дите, правда, совсем...

– Ну, дай бог, дай бог, – вздохнув, произнесла Яна.

– Институт бросать не даем ни ей, ни ему, – деловито сказала Марина, – няньку наняли, да и сами помогаем. И ее родители молодцы, тоже не подводят. Потянем как-нибудь...

– Ну вот, – радуясь за приятелей, сказала Милославская, – все хорошо... И все же смешно: дед, бабка... Вам же ни одному сорока нет?

– Тридцать восемь, – опустив глаза, протянула Марина.

– А вы сами-то, мои дорогие, во сколько согрешили, а? – прищурившись, прошептала Яна.

Все трое звучно расхохотались. А Саша – до слез. Вспомнил, наверное, все очень живо.

– Сейчас я кофе соображу, – приподнимаясь и придерживая полу халата, сказала Яна, – Или чего покрепче?

– Не-не-не-не, – зачастил Саша, мотая головой, – у нас на это времени нет!

– Как? Неужели вот так и уйдете? – в голосе Милославской слышалась обида. – Столько не виделись...

– Мы уйдем вместе с тобой, – загадочно и теперь вдруг серьезно протянула Марина. Милославская только непонимающе хлопала глазами.

– Мы ведь не случайно тут, – начал объяснять Саша, – проездом.

– А я-то думала, – обиженно протянула Яна.

– Нет, подожди, – замахала на нее руками Марина.

– Мы тут дачу купили, – продолжил ее супруг, – в этом направлении. За Багаевкой, знаешь? У Волги.

– Ну, – Милославская кивнула.

– Так вот. Едем сейчас туда и тебя берем с собой.

Марина с Сашей с надеждой смотрели на свою приятельницу.

– Возражений не принимаем, – предупредительно заявил Саша.

– А повод-то знаешь какой? – подморгнув, спросила Марина.

Милославская пожала плечами.

– Я же говорил! – воскликнул Саша, глядя на свою жену.

– Э-эх, – укорила она Яну, – сегодня же наш семейный юбилей!

– Елки-палки! – протяжно произнесла Милославская. – Ребята, простите ради бога!

– А мы ее еще в свидетельницы брали! – с шутливой обидой пробормотала Марина.

– Кстати, а эта свадьба имеет какое-нибудь название? – заинтересованно спросила Милославская. – Ну, деревянная, розовая, серебряная...

– Еще скажи – золотая, – прыснула Марина.

– Черт ее знает, как она называется, – сказал Саша, – не в этом дело. Собирайся, едем, – добавил он, глянув на Яну.

– Ну раз такое дело... – протянула она. – Отказаться нельзя. Еду!

Супруги засмеялись, а Милославская удалилась в другую комнату, чтобы переодеться. Облачившись в хлопковый летний спортивный костюм, она наскоро собрала сумку, покладывая в нее все, что может понадобится во время короткого загородного отдыха, и через двадцать минут предстала перед приятелями, которые по совету Милославской рассматривали ее последние фотографии.

– Готова? – спросил Саша.

Яна кивнула.

– Отлично, – ответил он. – Ну, девчонки, в дорогу.

– Я и Джемму беру, – немного виновато сказала Милославская, покосившись на любимицу.

– Прекрасно, будет кому нас охранять, – ответил Саша, – мы еще пса там не успели завести.

Яна бросила в сумку упаковку собачьего корма, взяла еще кое-какие Джеммины принадлежности и была готова. Супруги ждали ее на крыльце.

– Идем? – спросила Милославская, заперев дверь.

– Угу, – буркнул Саша и кончиком ботинка затушил сигарету.

Все трое разместились в комфортном BMW-535, которым семейство обзавелось не более года назад.

Саша с Мариной были прекрасной семейной парой, и их совместной жизни можно было только позавидовать. Яна познакомилась с ними давно, еще девчонкой, сдружилась с Мариной и оказалась приглашенной на свадьбу молодых в качестве свидетельницы, хотя и была на несколько лет моложе своих друзей.

Федотовы окончили один институт. Марина и по сей день работала по специальности, а Саша довольно скоро разочаровался в выбранной профессии и решил заняться бизнесом.

Поначалу у него не очень-то это получалось, были и провалы, и довольно крупные потери. Но в этих ситуациях парня всегда поддерживала Марина. Лаской, добрым словом. Не было денег – не жаловалась, крутилась, как могла, выходила из положения.

Потом, наконец, фортуна улыбнулась Саше, и на одной не очень обнадеживающей поначалу сделке он сорвал крупный куш. Молодые купили дом и переехали от Марининых родителей, совместно с которыми проживали. Кстати сказать, не очень дружно. Дальше было всякое, но в целом семья крепла, а благосостояние ее росло.

Теперь Саша был преуспевающим бизнесменом, владел крупным ночным клубом и пользовался в своем кругу завидным авторитетом. Марина бросить работу отказывалась, так как была в нее просто влюблена.

Этой семейной паре был чужд снобизм, столь свойственный людям их среды, поэтому, наверное, они были так легки в общении и имели много друзей. Милославская на протяжении долгих лет поддерживала с Мариной и Сашей отношения, хотя в последнее время, без всякой видимой причины, их встречи случались гораздо реже, чем раньше.

ГЛАВА 2

– Чудное местечко! – протянула Милославская, втягивая ноздрями свежесть хвои и недалекую речную влагу.

– И Волга совсем рядом, – указывая вперед рукой, гордо заявила Марина, – пять минут ходьбы. Пляж песчаный...

– Чудесно, чудесно, – повторила Яна, поднимая с земли маленькую шишку.

– Ну, пойдем, пойдем, – подтолкнула подругу Марина, – гараж мы еще не выстроили – у прежних хозяев его не было. Поэтому Саша оставит машину здесь, на стоянке. А что? – женщина пожала плечами, – Охраняется, под присмотром... А мы с тобой немного пешочком пройдемся, тут недалеко, полюбуешься заодно местными достопримечательностями.

– Да-а, многозначительно протянула Яна, – тут есть на что посмотреть, – Милославская окинула взглядом двух-трехэтажные дачные постройки, обнесенные высокими заборами.

– Тут вот депутат свой досуг проводит, Бабуша, – Марина кивнула влево. – Знаешь такого?

– Нет.

– Ладно, не имеет значения. Тут вот, – женщина обернулась назад, – главврач второго роддома обосновался. Как думаешь, миллион стоит такая хижина?

– Стоит. Что и говорить, бедные родственники... – заключила Милославская иронично.

– А сноха вот рожала, так все свое в роддом притащили, вплоть до ваты и шприцов одноразовых, – пожаловалась Марина. – Ну идем, идем.

Подруги не спеша направились по неширокой наезженной дорожке, любуясь теперь не особняками, которые были один богаче другого, а прелестями пейзажа. Из-за верхушек домов выглядывали размашистые еловые и сосновые лапы, кое-где просматривались липы, дубы. Кукушка кому-то отсчитывала свое... Края дорожки густо заросли трин-травой и подорожником, еще незрелым и липким. Небо было безоблачное и пронзительно голубое. Милославская с наслаждением впитывала в себя излучение, даруемое всей этой красотой.

– А вот и наше приобретение, – вздохнув, сказала наконец Марина и повернула к кованой красивой калитке.

– Недурно, – восхищенно покачивая головой, заметила Милославская.

Марина отперла калитку и пропустила Яну вперед. Посреди двух густо засаженных разными цветами клуб проходила бетонированная узкая дорожка, ведущая к двухэтажному дому из красного кирпича. Милославская неспешно зашагала по ней.

Пригласив гостью в дом, Марина провела ее по всем комнатам, решив похвалиться их интерьером. Она с гордостью рассказывала, где и по какой цене приобрела ту или иную мебель, страдальчески закатив глаза говорила о многотрудных походах по магазинам в поисках подходящих аксессуаров и прочего. Яне ничего не оставалось, как, слушая подругу, делать комплименты ее вкусу, который она на самом деле ценила.

Потом женщины прошли на кухню и сразу принялись за приготовление обеда. Холодильник был набит до отказа, поэтому им оставалось только соревноваться в кулинарном мастерстве. Яна решила взяться за судака под маринадом, Марина – за мясо по-французски. Саша обещал сообразить необыкновенное барбекю. В общем, присовокупив к этому ряд салатов и нарезок, которые были куплены семейством в полуфабрикатном виде, предстоящий обед можно было назвать настоящим пиром, разумеется, не забывая о горячительных напитках, коих в дачном погребе тоже был широкий ассортимент.

– О-о-о! – войдя, протянул Саша, закрывая глаза, – Как я обожаю, когда на кухне все фырчит, парит, кипит!

– Федотов, – игриво заметила Милославская, – а ты, между прочим, отлыниваешь! Давай включайся в производственный процесс!

– Виноват, виноват, – разведя руками, ответил Саша. – Мамуль, а где у нас все для барбекю? – обратился он к Марине. – В погребе?

– Уф-му, – промычала она, жуя что-то из наскоро перехваченного.

Прошло не менее часа до тех пор, когда собравшиеся уселись наконец вокруг стола, выставленного на террасу, обвитую виноградом, грозди которого, к сожалению, совсем еще не вызрели. Было пока светло, но в траве уже начинали потрескивать сверчки, заявляя всем остальным о наступлении своего времени. Джемма легла на ступеньках и, прикрыв глаза, все же предупреждающе помахивала хвостом.

– Комаров тут почти нет. Это тоже плюс, – заявил Саша, открывая бутылку белого вина.

Первый тост был за «молодых», а потом, как обычно – за любовь, за дружбу, за здоровье и прочее. От вина приятно зашумело в голове, разговор становился все оживленнее, воспоминания лились рекой. Саша преподнес Марине корзину роз, которую предусмотрительно спрятал где-то в подвале, и маленький флакон ее любимых духов «KENZO». Марина, конечно, была растрогана и даже пустила слезу. Саше едва не пришлось успокаивать обеих женщин, потому что и Яна не смогла сдержаться, ибо, глядя на счастливых супругов, она не смогла не вспомнить о своей семейной жизни, история которой была, увы, трагична.

Несколько лет назад семья Милославских – Яна, ее муж и сын – попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Тогда она не благодарила бога за свое спасение, она проклинала его. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Жить не хотелось, видеть никого не хотелось. Дни шли за днями, а становилось только больнее и больнее. Каждая вещь в доме напоминала об ушедших, так любивших Яну и так любимых ею. Не раз у нее возникала мысль о самоубийстве, но рука не поднималась переступить заповедь «Не убий». Милославской стало казаться, что она сходит с ума, и тогда она решила сменить место жительства, забраться подальше, где поглуше, существовать тихо и незаметно. Под руку ей Агафоновка и подвернулась.

– А ну, хватит мне сырость разводить, – прикрикнул на женщин Саша и взял в руки гитару. Ударил по струнам и затянул их общую, любимую с юных лет, но только теперь окончательно понятую песню «Мы эхо друг друга», которую некогда блистательно исполняла Анна Герман.

Потом были «Изгиб гитары желтой...», «Маленький плот» и многое другое, традиционное в таких случаях.

– Ну, а теперь барбекю, – разведя руками и встав из-за стола, произнес Саша.

Все отправились на небольшую лужайку позади дома, где мужчина довел до ума блюдо, к которому он неоднократно отлучался из-за стола. Янина собака попыталась затеять игру со своей хозяйкой и притащила откуда-то ей здоровенную толстую палку, но Милославская строгим жестом пресекла все претензии Джеммы на такие развлечения.

Женщины отведали по кусочку барбекю и не смогли удержаться от искренних комплиментов, которые Саша терпеть не мог, почему и поспешил перевести разговор на другую тему.

Когда совсем стемнело, друзья отправились к Волге. Собрав все усилия воли, окунулись в ее по-ночному прохладные воды. Плескались, визжали, как дети. Джемма лаяла на всякий случай, толком не понимая, что происходит. Потом компания, чтобы согреться, разожгла костер. Долго разговаривали в новой, еще более располагающей к воспоминаниям обстановке. Потом тихонько побрели назад к дому.

Местные собаки встретили их появление в начале улицы дружным лаем. Яна предусмотрительно придерживала свою любимицу за поводок, боясь, что она перемахнет в каком-нибудь месте невысокий забор и покажет себя во всей красе, в чем, собственно, не было никакой необходимости.

– Тихо! – вдруг воскликнул Саша, когда приятели свернули на улицу, где располагалась их дача. – Посмотрите, кажется, кто-то у калитки.

Уже совсем рассвело, да и фонари еще горели, поэтому женщины легко различили у дома мужской силуэт, а чуть позже увидели, что мужчина старательно жмет на кнопку звонка. Не видя их и, очевидно, потеряв всякую надежду дозвониться, он стал неистово колотить по металлу кулаками, подняв лязг и грохот, наполнившие весь проулок.

– Э! Э-э! – прикрикнул Саша.

Джемма приняла боевую позу и зарычала, а Милославская на всякий случай чуть ослабила поводок.

– Да это Витька! Витька Ермаков, – воскликнула Марина, взяв Сашу за руку. – Вон и мотороллер его за деревом.

– А чего это он? – недоуменно произнес Федотов.

– Вить! – закричала Марина.

Мужчина у калитки сразу обернулся.

– Ну, точно он! – заключила Сашина супруга.

Милославская, будучи уже давно знакомой с Федотовыми, знала практически всех их родственников. Немного наслышана она была и об этом Витьке. Он являлся каким-то тро- или четвероюродным братом Саши и жил в селе Багаевка, до которого от дач было не более пяти километров.

Приятели ускорили шаг. Витька бегом кинулся им навстречу.

– Что-то случилось! – тревожно предположила Марина.

– Наверное, – поддержал Саша супругу, – Витька знал, что мы этот месяц будем жить на даче. Прибежал за помощью? – предположил он в заключение.

Не добежав до Федотовых нескольких шагов – Яна шла немного позади – мужчина остановился и, потрясая перед собой руками, закричал в лицо Саше:

– Саня! Мать... Саня! Мать...

Витька брызгал слюной и тряс головой, зажмурив глаза, из которых бежали слезы. Из слов его толком ничего понять было невозможно, разве только догадываться.

– Да говори ты толком! – зло закричал Саша, встряхнув худосочного Витьку своими здоровенными ручищами.

– Только что... Только что... – по-прежнему всхлипывая, начал тот, – я нашел свою мать, Евдокию Федоровну-у-у, – Витька снова зажмурился и завыл, – повесившейся.

– Что-о?! – в один голос воскликнули Федотовы.

Судя по Витькиному возрасту, его матери должно было быть никак не меньше семидесяти, поэтому здесь можно было ожидать что угодно: инфаркт, инсульт, – но никак не повешение. Яна тоже не могла сдержать своего удивления.

Но это она так мыслила, несколько детективно. Федотовым, судя по всему, было вовсе не до этих мелочей. Сам факт смерти, хотя эта Евдокия Федоровна и была в преклонном возрасте, просто обескуражил их.

– Евдокия... Федоровна... Повесилась?... – в ужасе бормотала Марина.

Саша просто нервно топтался у калитки, не в силах так сразу собраться мыслями. Витька весь трясся и беспомощно смотрел на Сашу.

– Саня... Что... что делать? – тихо выл он.

– Нужно идти туда, – вмешалась Милославская.

Все посмотрели на нее.

– Милицию вызвали? – спросила она, глядя на Ермакова.

– Угу, – утираясь рукавом, промычал Витька, – и скорую. Может, спасут еще, – тихо добавил он, хотя сам понимал, что это просто нереально.

– Да, в самом деле, – торопливо проговорил Саша, – надо скорее ехать туда.

Федотовы и Милославская быстро зашли в дом, переоделись и почти бегом двинулись к дачной автостоянке. Витька же сразу оседлал свой мотороллер и, дернув ногой педаль, заявил:

– Поеду к трассе, ментов и скорую буду встречать. Мать ведь на самом отшибе живет. А то будут искать полдня. Да уедут еще. Кто им в такую-то рань подскажет?

Саша в ответ только молчаливо согласился. Через десять минут он уже выезжал из ворот автостоянки на своей машине, на заднем сиденье которой разместились Яна с Мариной.

ГЛАВА 3

– Вон тот дом, – сказал Саша, указывая рукой немного влево.

– Да-да, – торопливо поддержала его жена.

Несколько поодаль всей деревни стояло два-три дома, на один из них и указали Федотовы. Когда подъехали ближе, Милославская рассмотрела невысокое деревянное строение, давно не крашенное, с резными ставенками, неровной завалинкой, покосившимся забором и такой же покосившейся, рассохшейся калиткой. На самой макушке дома, на высокой круглой палке торчал скворечник. Одинокая молодая береза была, пожалуй, единственным украшением степного пейзажа, который окружал это место. Извилистая тропинка среди невысокой лебеды вела к калитке. Калитка оказалась открытой настежь. Видно, Витька себя не помнил, когда вылетал отсюда. У самого забора трава была примята колесами мотороллера.

Саша первый вышел из машины и, не дожидаясь Марины, направился во двор. Женщины торопливо засеменили за ним. Джемма, выбравшись из автомобиля, как-то съежилась и даже немного попятилась назад. Почувствовала недоброе. В метре от невысокого кривого крыльца Марина остановилась, закрыла лицо руками и заплакала.

– Ну, ну, что ты?! – попыталась успокоить ее Яна, хотя у нее и самой на душе кошки скребли.

Милославская опередила подругу и стала подниматься по ступенькам. Она тут же заметила, что крыльцо было совсем недавно тщательно вымыто, и только незначительное количество земляной пыли на ступеньках свидетельствовало об оставленных человеком следах. «Витька», – подумала про себя Милославская, давно привыкнув сразу во всем увиденном устанавливать логическую последовательность.

– М-м-м, – послышался из передней комнаты приглушенный сдавленный звук, когда Милославская уже стояла в дверях дома.

Саша стоял посреди комнаты, сморщив лицо и потерянно глядя в одну точку.

На высокую железную кровать, стеганое одеяло на которой было откинута, а подушка лежала невысоко, так, чтобы спать было удобно, была заботливо уложена худощавая, среднего роста пожилая женщина. Она была одета в длинную хлопковую ночную рубашу, старенькую, выцветшую. Из-под рубашки выглядывали две костлявые мертвенно-белые ступни с желтыми толстыми ногтями на пальцах. Руки покойной, обтянутые сухой, прозрачной старческой кожей, безжизненно лежали вдоль тела; кисти скривила предсмертная судорога, а лицо имело не только то страшное выражение, отпечаток какого обыкновенно оставляет смерть, но и было обезображено в результате мгновенного удушья. На шее ярко просматривался след толстой веревки, которая болталась посреди комнаты и была прикреплена к люстре тугим двойным узлом.

«Приготовилась ко сну, а потом передумала? – тут же заключила про себя Яна. – Или Витька постель разобрал, когда мать мертвую укладывал?... Хотел, чтоб на белом на всем лежала?...» Милославская заметила, что рядом с кроватью стоял невысокий деревянный табурет, на котором аккуратно было свернуто темное гобеленовое покрывало и тюлевая накидка с подушек. «Нет, – подумала тогда женщина, – Ермаков в его состоянии, скорее, раскидал бы все в разные стороны. Это она сама...»

Яна велела Джемме сидеть в углу и оглядела комнату: ничего особенного, так же, как у любого старика, доживающего свой век на невеликую пенсию. Как и положено – небольшая иконка в углу, обложенная искусственными цветами. На стене приютилось старенькое радио, рядом с ним – пухлый перекидной календарь. Круглый деревянный стол, накрытый клетчатой клеенкой, нашел свое место между окнами, выходящими не во двор, а на улицу; под ним вплотную встали две табуретки. Черно-белый телевизор «Рекорд» на дубовой невысокой тумбе, кра-

сивое старинное трюмо, массивный шкаф с большим зеркалом посередине, на окнах цветастые выцветшие занавески, в углу – сундук, накрытый связанной крючком скатертью – вот и весь нехитрый интерьер жилища Евдокии Федоровны.

Полосатый половик, размещенный посередине комнаты, был небрежно сбит в кучу. «А вот это уже Витька, – подумала Милославская. – Хотя чего это он так расстарался?»

– А-ах! Господи! – в дверях появилась Марина.

Саша стоял в прежней позе, не меняя своего положения. Марина подошла ближе к покойнице и, плача, бережно стала расправлять на ней рубаху.

– Что же? Что же это? Зачем? – приговаривала она.

Милославская не пыталась успокоить своих приятелей, зная, что в такой ситуации вряд ли можно найти какие-то по-настоящему утешительные слова. Она продолжала осматривать помещение. Подняла голову кверху – пыльный пластмассовый абжур. Потолок непривычно для такого домишки высокий... «Да... – заключила она про себя, – старухе, судя по тому, что в доме у нее чистота и порядок, наверное, хотелось абжур этот отдраить, только вот дотянуться до него не было возможности или сил... А помощников, видно, днем с огнем...»

– Стоп! – вслух воскликнула вдруг Яна. – Но если она не могла... Абжур... То как же... Вербка... Такой у-узел?

Милославская еще раз оценила расстояние от пола до потолка, потом глянула на Евдокию Федоровну, взглядом измерила ее рост, посмотрела на ослабшие худые руки. Под веревкой валялся высокий табурет. Милославская и его мысленно представила стоящим под намеревающейся покончить собой женщиной.

– Все равно бы не достала! – снова вслух заключила женщина.

Марина с Сашей еще после первой фразы разом удивленно посмотрели на Милославскую, а теперь их глаза молчаливо требовали немедленных объяснений.

– Сколько ей? – серьезно спросила Яна, кивнув на покойницу.

– Что? – не поняли супруги.

– Лет Евдокии Федоровне сколько? – повторила Милославская.

– Семьдесят, кажется... – растерянно пробормотал Саша, – С чем-то... Может, семьдесят четыре-семьдесят пять...

– Понятно, – Милославская вздохнула. – Она бодренькая была? – Яна еще более серьезно посмотрела на Федотовых.

– Н-ну... – непонимающе протянула Марина. – Живая... Для своих лет живая... Дом в чистоте содержала... Огородишко кое-какой...

– Му-гу, – Милославская многозначительно кивнула. – Даже если так, даже если живая... – сама с собой рассуждала она, глядя в пол. – Можно, конечно, подпрыгнуть до люстры со стула... Хотя вряд ли. Это даже смешно. Можно максимально встать на цыпочки... Но и это в ее возрасте возможно с большим трудом. Подтянуться, держась за веревку, чтобы влезть в петлю... Но это тоже в моем возрасте можно... Хотя и я уже, наверное... – Яна снова подняла взгляд в потолок, – Нет, нет, чепуха какая-то! Невозможно, невозможно...

Ход ее мыслей в целом был понятен Федотовым, но они отказывались верить своим догадкам, а потому, как только Яна замолчала, Саша требовательно заявил:

– Яна Борисовна, объясни наконец! Что же это мы как дураки?! Стоим, понять ничего не можем... – он ударил кулаком в стену.

– Минуту, – спокойно ответила Милославская, потом пристально посмотрела на покойницу, словно хотела о чем-то ее спросить, затем немного помолчала, задумавшись, и только после этого произнесла:

– Евдокия Федоровна в таком солидном возрасте вряд ли могла забраться на столь высокий табурет... Это во-первых. Во-вторых, даже если такой акробатический трюк после определенного количества попыток ей и удался, то сохранить равновесие пожилая женщина, навер-

няка с давлениями и головокружениями, дольше пары секунд определенно не сумела бы. Далее. – Милославская на мгновение деловито поджала губы и кулаком подперла свой подбородок, что придавало ей вид настоящего античного мыслителя.

– Допустим, – продолжала она, – что Евдокия Федоровна уже на табурете. Как она смогла дотянуться до основания люстры? Это первый вопрос. Как она могла завязать такой крепкий узел, закрепляя веревку? Разве это в ее силах? Веревка достаточно толстая... И все это следовало делать стоя на табурете. Это второй вопрос.

– И? – выпучив глаза, произнес Саша, боясь согласиться с собственными соображениями.

Марина, окончательно поняв, на что намекает Яна, в ужасе ахнула и закрыла рот ладонями.

– Да-да, – хладнокровно подтвердила Милославская, глядя в лицо Федотову.

– Ну, конечно... Да, это так, – шепотом проговорил он, соглашаясь с Яной.

– Й...ей помогли? – несмело и также тихо произнесла Марина.

– Думаю, да, – нахмурившись, ответила Милославская.

– Боже мой! – покачивая головой, еле слышно выговорила та. – Убийство!

ГЛАВА 4

– Джемма! – позвала Милославская.

Голос ее при этом заметно огрубел.

– Джемма, ко мне!

Федотовы удивленно посмотрели на свою подругу. Собака вплотную подошла к хозяйке и вопросительно глянула на нее.

– След! Джемма, след! – скомандовала Яна.

Марина испуганно захлопала глазами. Овчарка принялась обнюхивать комнату, засовывая свой нос во все щели. Она тщательно обнюхала покойницу, потом приблизилась к Федотовым, отвернулась, встала в нерешительности.

– Надо и с Витькой ее познакомить, – сказал Саша, суя Джемме под нос оставленную Ермаковым засаленную панаму.

Собака немного поводила по ней носом и как-то презрительно-смешно отвернулась, стала исследовать комнату. Сначала она делала это, казалось, совершенно равнодушно. Потом вдруг резко остановилась, зарычала, круто развернулась и, почти тыкаясь мордой в пол, направилась к выходу.

Яна схватила любимицу за поводок и быстрым шагом двинулась за ней.

– Будь тут, – на ходу приказал жене Саша, почти бегом бросившись вслед за Милославской.

Марина испуганно затрясла головой, не желая соглашаться со словами мужа и косясь на покойницу, но когда тот прикрикнул на нее, промывчала:

– Му-гу.

Оказавшись за калиткой, Яне и Федотову пришлось бежать, чтобы успевать за собакой: она более чем уверенно двигалась вперед – сначала по траве, а миновав метров триста, вышла на тропку. Тропка вела в сторону, противоположную деревне.

– Куда... куда ведет эта дорога? – запыхавшись, спросила Милославская Сашу.

– К-кажется, к реке, – утирая со лба пот, ответил тот.

Джемма двигалась все увереннее и все быстрее. Приятели еле поспевали за ней. Яна боялась резко притормозить собаку, опасаясь, что та вдруг может потерять след.

Овчарка вдруг снова свернула с дорожки и направилась в сторону, раздвигая мордой высокую траву. Пружинящие ветки, в том числе и крапива, больно хлестали Милославскую по рукам, но ей было не того, чтобы прислушиваться к собственным ощущениям.

– Давай, милая, давай, – приговаривала она, глядя на собаку.

Яна встала на цыпочки и глянула немного впереди Джеммы.

– Трава примята, – бросила она Саше.

– Значит, верно идем, – взволнованно заключил тот.

Минуты через две ходьбы потянуло влагой.

– Пруд? – спросила Милославская, оборачиваясь на Федотова.

– Здесь только речка, – ответил он и стал осматриваться по сторонам, приостановившись. – Точно! Вон она, вода! – крикнул он и стал догонять Яну.

Высокая трава постепенно перешла в какую-то стелющуюся, а степь сменил нечастый ивняк, сквозь ветви которого поблескивала река. Джемма резко рванула вперед, и Милославская невольно выпустила поводок.

– Фас! – закричала она вслед собаке.

Овчарка скрылась за высоким глинисто-песчаным валом, и Саша с Яной из последних сил побежали еще быстрее, чтобы совсем не потерять ее из виду.

– Стой! Стой! – закашлявшись, крикнул подруге Федотов.

Милославская остановилась, оглянулась на него.

– Дай я... первый..., мало ли что, – задыхаясь, сказал тот.

Яна ничего не сказала, только махнула рукой в ответ. Преодолев вал, она увидела свою собаку... безнадежно рыскающую по берегу.

– О-о-о! – отчаянно взвыла гадалка и бессильно упала на траву.

– А! А! А-а! – испуганно закричал Федотов, думая, наверное, что Милославскую подкосила пуля.

Смешно трясясь всем телом, он прыжками поднимался на вал.

– Что? Что? – закричал он, грозно глядя по сторонам.

– След ушел в воду... – трагически-торжественно произнесла Яна.

– Слава богу! – воскликнул Саша, увидев, что с Милославской все в порядке. – То есть...

Как же это? Как?! – закричал он, поняв наконец, что погоня оказалась бесплодной.

Федотов, шатаясь, стал спускаться к реке. Яна поднялась и поплелась за ним. Джемма нюхала у воды, вертясь туда-сюда пределах участка примерно двухметровой ширины.

– Фу, – апатично скомандовала ей Милославская.

Собака вопросительно посмотрела на хозяйку. Яна потянула ее за поводок.

– Смотри, колышек! – воскликнул Саша, указывая на высокую палку, воткнутую в глинистый берег. – Кажется, тут лодку привязывали!

– Похоже, – согласилась Яна осматривая палку. – но кажется, этот кол тут давно, и им многие уже пользовались. А что там за речкой?

– Там? Недалеко до трассы... Дачи правее. В нескольких километрах Михайловка...

– Это нам ничего конкретного не обещает, – разочарованно протянула Яна.

Друзья немного помолчали.

– Слушай, – обратился к подруге Федотов, – а ты и впрямь думаешь, что это... убийство?

– Теперь даже больше, чем сначала, – уверенно ответила Милославская. – Идем? – сказала она, кивнув в обратную сторону.

Саша кивнул, согласившись.

ГЛАВА 5

– Тихо! – воскликнул Саша, приложив указательный палец к губам. – Кажется, едут. Джемма залаяла.

– Фу! – прикрикнула на нее Яна, и та нехотя замолчала.

Женщины притихли. Невдалеке слышалось тарахтенье мотороллера.

– Витька, – заключила Марина.

Милославская подошла к окну, немного отодвинула занавеску.

– И милиция, – добавила она к Марининым словам. – Скорая тут уже точно не понадобится...

Вскоре транспорт «припарковался» в ряд около забора. Послышались тяжелые шаги, скрип половиц крыльца. На пороге появился Ермаков. Бледный, измученный... Тут же позади него выросла высокая крепкая фигура рыжего толстого старлея.

– Вот... – беспомощно разведя руками, проговорил Витька.

– Умерла? – басовито спросил старший лейтенант. – А веревка зачем? – кивнул он, подняв голову к потолку.

– Так я же сказал... повесилась, – прохлюпал Ермаков.

– Ну да, ну да, – согласился милиционер. – А как в постели оказалась?

– Это я ее... Чего ж она будет в-висеть?...

Старлей нахмурился. Потом, будто только что, заметил Федотовых и Милославскую. Решил представиться:

– Бондаренков, – и протянул руку Саше.

Тот скупно пожал ее. Бондаренков шагнул вперед, немного отодвинув в сторону онемевшего Витьку. Тут же на пороге появилось еще трое сотрудников, от которых горько повеяло табаком. Они не торопились сюда заходить, курили, стоя на крыльце.

– Чего тут? – лениво спросил один из них.

Бондаренков подошел поближе к покойнице, наклонился, оперевшись своими волосатыми руками о туго обтянутые брюками широкие коленки и заключил:

– Повешение налицо!

Потом он пальцем указал на след, оставленный веревкой и выпрямился. Коллеги старлея подошли ближе, запереговаривались, закивали, соглашаясь с ним.

– Ну что? – спросил Бондаренков, невинно обращаясь к присутствующим. – Протоколчик составим и в морг ее?

– Да, давай, – как-то хором ответили милиционеры. Двое из них при этом направились к выходу.

Старлей поднял с пола сваленную табуретку, подставил ее к столу, опустился на нее так, что она скрипнула, потом расстегнул молнию на своей папке и стал копошиться в ней, доставая необходимое.

– Как же так получилось, уважаемые родственники? – с укоризной произнес он, поудобнее укладывая перед собой лист бумаги. – Кто старушку до такого довел? Не дал помереть своей смертью, а?

Федотовы переглянулись. В лице Саши легко читалось недовольство. Витька, как-то странно втянув голову в плечи, озирался по сторонам.

– Господа... Товарищи! Подождите! – возмущенно протянула Милославская, всплеснув руками. – А вы что, на самом деле уверены, что Евдокия Федоровна повесилась?

– Уверены, уверены, – пробормотал Бондаренков, не поднимая на Яну глаз.

– Как же так?! – продолжала женщина. – Неужели вы не видите?!

– Да-амочка, – устало протянул Бондаренков, – круто развернувшись на табурете, – вы, может, скажете, что она застрелилась?

– Нет, представьте себе, я этого не скажу! – пылко ответила Яна.

– Вот и прекрасно, – спокойно ответил Бондаренков, приступив к записям.

– Я другое скажу, – настойчиво произнесла Милославская и встала вплотную к старлею, начав излагать ему свои доводы, с которыми она совсем недавно знакомила Федотовых, и историю взятого Джеммой следа.

Тот сначала пытался оставаться хладнокровным и даже не повернул головы. Потом отложил ручку и взглядом стал следить за указующими жестами Милославской. Затем на мгновение задумался и снова приступил к своему занятию, а когда Яна взволнованно воскликнула: «Ну неужели это не очевидно?», он с прежним спокойствием сказал:

– Не говорите ерунды. Давайте проводим покойную в последний путь без осложнений... Нас ждет еще масса дел. Судмедэксперт предоставит вам свою резолюцию, которая, уверен, не будет противоречить моим словам.

– Ну, хорошо-о, – разгоряченно протянула Милославская, – только вы в протоколе не забудьте отразить все те факты, которые я назвала. Может, начальство ваше заинтересуется...

– Не заинтересуется! – вдруг осек ее Бондаренков. – Им, думаете, в наше горячее время интересоваться больше нечем? Молодежь гибнет... – старлей махнул рукой и опять взялся за протокол.

Вскоре бумага была готова. Федотовы, Ермаков и Милославская подписали ее, так как там излагались только голые факты и никаких доводов, потом с них взяли письменное объяснение по поводу того, как они тут оказались и что увидели, что предприняли, и несчастную Евдокию Федоровну погрузили на носилки, уложили в милицейский «уазик» и повезли в так называемый последний путь по багаевским кочкам и ухабам.

Все время разговора с Бондаренковым Федотовы хранили молчание. Марина – от изумления, Саша – боясь не сдержаться и затеять крупный скандал. Как только сотрудники покинули дом, он накинулся на Витьку:

– Так, Витек. Бери листок и ручку, садись, пиши заявление.

– Что? – не понял Ермаков.

– Пиши заявление! – прикрикнул Федотов. – Мать твою уходил кто-то! Расследование тут требуется! А им побыстрее лишь бы прикрыть все!

– Нет, нет, – Витька затряс головой, – не верю, не верю я этому! Это она сама, сама... – Ермаков зажмурился. – Пусть все скорей закончится. Не хочу осквернять память матери!

Саша приблизился к Витьке, крепко стиснул его плечи руками, потом с силой встряхнул его, процедив:

– Витя, это мать твоя!

Ермаков не открывал глаз и отрицательно тряс головой.

– Пусть покоится с миром, пусть покоится, – бормотал он.

Федотов отнял свои руки и бессильно проговорил:

– Гиблое дело! Его не убедишь.

– Вить, ну что ты, а? Ведь собака след взяла, – поддержала мужа Марина.

– Неизвестно еще чей. Может, из своих кто заходил к ней, – безнадежно ответил тот.

– Витя! – умоляюще протянула Марина.

Тот упорно молчал.

– Брось, – сказал ей Саша, – его не переубедишь, знаешь же, какой у него характер. – Ну что, – устало обратился он к Ермакову, – беги родственников оповещай, готовьтесь к похоронам, поминкам...

Федотов достал из верхнего кармана рубашки портмоне, вытащил из него несколько крупных купюр и протянул Витьке:

- На, возьми.
 - Не, не, не надо, – стал отказываться тот.
 - Возьми, я сказал, – настоял Федотов, и Ермаков молча принял деньги, опустив глаза.
 - Помощь нужна? – спросила Марина. – Машина?
 - Не, я в «Ритуал» обращусь, они помогут. В Михайловке недавно открыли.
 - Да, так удобнее, – поддержал его Саша.
 - А с поминками бабы сами сообразят, – добавил Витька. – Вы на даче пока?
 - Да, до конца месяца, – ответила Марина.
 - Хоронить-то приедете? – Ермаков беспомощно посмотрел на Федотовых.
- Они одновременно кивнули.
- Сообщу тогда, – тихо сказал Витька.
- Он сел на материну кровать и стал бережно поглаживать ее руками.
- Ладно, идемте, – сказал Федотов Яне и своей жене, – ему одному надо побыть.

Марина подошла к Витьке, тихонько дотронулась до его плеча, простившись таким образом, и зашагала к выходу. Яна и Саша последовали за ней.

* * *

– Вот что, Яна Борисовна, – серьезно сказал Федотов, помогая Милославской прикурить, – раз все так складывается, берись-ка ты за это дело. Витька успокоился, но я успокоиться не могу. Евдокия Федоровна мне хоть и дальняя родственница, но практически единственная. Дань памяти обязывает добраться до истины.

Приятели сидели на террасе вокруг стола и пили кофе.

– Да, Яночка, пожалуйста, – Марина накрыла ладонями смуглую загорелую кисть руки Милославской и умоляюще посмотрела на подругу. – Нельзя же все так оставить, – тихо добавила она. – А кроме нас и дерзнуть некому... Нельзя ведь позабыть и все...

– Нельзя, – задумчиво проговорила Яна, а про себя подумала, что не в ее духе заниматься такими делами: пожилая уже женщина, и вряд ли в деле было что-то особо таинственное; милиция тоже могла с делом справиться, если ее заставить. Тем не менее ей сложно было отказать друзьям в такой нелегкий для них момент.

– Ну так ты согласна? – несмело спросила Федотова, а Саша с надеждой глянул на Милославскую.

– Согласна, – Яна вздохнула.

– И не важно, сколько нам это будет стоить, – серьезно предупредил Федотов.

– Давай не будем сейчас об этом. Позже, – Яна поморщилась.

– На тебя, на твой дар одна надежда, – прошептала Марина.

Необъяснимый, неизвестно откуда взявшийся и почему доставшийся именно ей дар Милославской для многих был последней надеждой. Люди шли к ней, просили о помощи.

Яна невольно вспомнила катастрофу, в которой она потеряла своих близких. Вспомнила, как мучилась, страдала и как однажды обнаружила в себе загадочные, таинственные способности. Они ей и помогли тогда выжить, став единственным смыслом ее жизни. Теперь она должна была заботиться не о своих родных, а о людях, которые обращались к ней.

Делала это Милославская посредством гадания, гадания на картах, но очень далекого от тех банальных способов, к которым прибегали многие и которым нехитро научиться любому.

Яна легко и быстро помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах или просто не желали другие органы.

Карты Милославской были далеки от обыкновенных игральных как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала пря-

моугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна клала ладонь на карту и тут... ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику, на которые Милославской грех было жаловаться. Джемма являлась верным и надежным помощником гадалки в «земных» способах расследования, к тому же она прекрасно защищала свою хозяйку, а необходимость в этом возникала довольно часто.

Милославская редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Яны слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. В день больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. По этой причине совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. Расследования остались единственным средством существования женщины.

– Тебе что-то нужно? – ласково обратилась к Милославской Марина, ожидая, что расследование начнется прямо сейчас и что она в данный момент чем-то способна помочь ему.

– Да, – улыбнувшись, ответила та.

Федотова с готовностью слушать захлопала глазами.

– Мне нужно отдохнуть, как следует выспаться, – задумчиво проговорила Яна, – иначе из всех моих попыток ничего не выйдет. Я сейчас не в том состоянии, чтобы...

– Да-да, конечно, – залепетала Федотова. – Мы тоже сейчас ляжем, – она вопросительно посмотрела на мужа. – Я приготовлю тебе комнату, – добавила она, снова глядя на Яну, и ушла.

– Не думал, – хрипло протянул Саша, откинув голову на спинку кресла, – что когда-нибудь придется к тебе обратиться не по-дружески, а вот так, по-деловому. Честно, говоря, я и не очень-то верил во все твои гадания. А теперь, признаюсь, верить хочется.

– Верь, – позевывая, произнесла Милославская.

– Яна-а, – донесся сверху Маринин голос, – поднимайся, я постелила.

Милославская привязала собаку, рыскающую около крыльца, на террасе и неспешно стала подниматься на второй этаж.

Хозяйка отвела ей небольшую уютную комнатку, где не было ничего, кроме просторной деревянной кровати и невысокой прикроватной тумбы. Стены обтягивала бежевая ткань, окно загромождали белые вертикальные жалюзи. Ничто не отягощало взгляд.

– Вот, – почему-то виновато произнесла Марина, увидев на пороге Милославскую.

– Прекрасно, спасибо, – сказала та, потягиваясь.

– Ну ладно, пойду, – почему-то прошептала Федотова, – а то Саша тоже с ног валится, постелю ему.

Гадалка кивнула. Как только дверь за ее подругой затворилась, она небрежно стянула с себя одежду, побросала ее на тумбу и забралась в постель, натянув на себя тонкую льняную простыню. Яна, чувствуя блаженство расслабления, закрыла глаза и с наслаждением стала ожидать, когда сон овладеет ею...

Однако не спалось. Мысли лезли в голову, и не находилось способа от них избавиться. Гадалка много раз пыталась начать думать о чем-то, не связанном со смертью Евдокии Федоровны, но сознание настойчиво возвращало ее к событиям последнего дня, рисуя в ее воображении отвратительные картины преступления.

Мысленно Милославская сразу, еще в доме покойной, заключила, что взять там нечего, так что вряд ли туда пришли, чтобы грабить. К тому же, судя по реакции Витьки, там ничего

и не пропало. Теперь Яна раздумывала о том, какой же все-таки мотив для убийства мог быть у преступника.

Она почему-то то сразу стала думать о разных материальных версиях. Ведь какой вред мог быть кому-то от беспомощной семидесятилетней старухи? Но материальные версии тоже не очень-то клеились. «Наследство?» – спросила себя гадалка, построив до этого еще кое-какие предположения, и тут же рассмеялась над собой. Вряд ли бедная сельская пенсионерка могла оставить после себя что-то существенное.

– Хотя... – вслух проговорила гадалка, открыв глаза. – Насколько я понимаю, вся родня Евдокии Федоровны, за исключением Федотовых, сосредоточилась в Багаевке... И богатых среди них нет... Поэтому какой-никакой домишко и самые скромные сбережения на сберкнижке могли бы стать мотивом... Живет и не помирает старуха, а кто-то этого, может быть, очень ждал... Да, да, – согласилась с собой Яна, – надо рассмотреть версию о наследстве.

Милославская перевернулась на другой бок, снова закрыла глаза. Прележала так еще около пятнадцати минут. Нет, сон решительно не хотел поймать ее в свои сети. Теперь уже и кровать казалась ей неудобной и подушка слишком большой... Она села, подняла подушку повыше и облокотилась на нее, приняв полулежачее положение. На тумбе, под вещами, лежала ее дамская сумочка. Яна потянулась и взяла ее. Расстегнула молнию, заглянула внутрь. На дне, среди косметики и прочего, спряталась колода карт, с которыми гадалка практически никогда не расставалась.

Милославская подцепила рукой колоду и положила ее перед собой. Потом развернула карты веером, подумала и выбрала «Взгляд в прошлое», потому что больше всего ее интересовало, какие события предшествовали смерти Ермаковой.

Символы, изображенные на этой карте, были необычны, как и на всех остальных. Лестница, подобная серпантину, уходила далеко ввысь, откуда сурово взирал человеческий глаз, поглощающий в своих таинственных глубинах эту самую лестницу.

Яна смешала остальные карты и пристально посмотрела на выбранную. Она вдруг почувствовала, что магические знаки, к которым она давно привыкла, так и влекут, так и зачаровывают. Гадалка поднесла к карте кисть правой руки, задержав ее на некоторое время в воздухе, на расстоянии около десяти сантиметров от «Взгляда в прошлое». От карты исходило необъяснимое магнитное притяжение, и рука сама собой незаметно вплотную приблизилась к картонке.

Секунду-другую не происходило ничего необычного, и Милославская даже успела испугаться того, что карта не пойдет на контакт – такое бывало. Однако вскоре в кончиках пальцев стало чувствоваться знакомое покалывание, свидетельствующее о том, что «Взгляд в прошлое» все же «ответил согласием».

Постепенно всю кисть, а несколько позже всю руку и всю гадалку окутало приятное тепло. Яна в ясном сознании успела произнести: «Не зря я ее выбрала», а дальше все закружилось, смешалось. Мощный вихрь завертел сознание Милославской в сумасшедшем танце.

Танец этот был гадалке приятен, но он довольно скоро закончился. Ее окружила темнота. «Внутренняя» Яна насторожилась. Вдруг неожиданно послышался какой-то металлический звон. «Ключи?» – мысленно спросила женщина. Однако тут же она заключила, что это несколько иной звук. «Кошей над златом чахнет», – пронеслось у нее в голове, и в следующий миг видение представило ей то, чего она совершенно не ожидала...

Милославская увидела перед собой старинный кувшин, полный золотых монет. Монеты лежали в нем, насыпанные горкой, но почему-то позвякивали. Эта картина еще несколько секунд продержалась в поле зрения гадалки, и все померкло. Яна вернулась к реальности. Она чувствовала себя полностью истощенной и лежала, не открывая глаз. «Ну и ерунда, – первое, что возникло у нее в голове, – чушь, чушь собачья...»

Женщина почти отчаялась, однако тут же поймала себя на мысли, что видения, дарованные ей картами, вообще весьма редко бывали прозрачными по смыслу и порой оборачивались событиями, которых она никак не ожидала и только после соображала, что именно к этому и обращала ее карта. Остановившись на этом, Милославская все еще раз взвесила и пришла к выводу, что картина из видения может быть знаком того, что старуху действительно убили из-за денежного, материального интереса.

– Непременно займусь версией о наследстве, – еле слышно прошептала она и практически мгновенно заснула.

ГЛАВА 6

– О! Да она спит-то как! Почти сидя! – смутно услышала Милославская сквозь сон. Яна приоткрыла один глаз и увидела в дверях Марину.

– Доброе утро, – почему-то сразу зашептала Федотова, – вернее, добрый день. Обед готов...

– А? – переспросила механически гадалка, хотя и так все слышала.

– Пойдем обедать.

– А-а... – понимающе протянула Яна. – Да не хочется еще чего-то. Я полежу?

– Лежи, – Марина пожалала плечами и осторожно прикрыла дверь, выйдя в коридор.

Милославская потянулась.

– Итак, – сказала она самой себе, – что мы имеем?

Яна стала прокручивать в голове минувшее видение, потом картину, которую она увидела в доме покойной Ермаковой.

– Нет, лежать некогда, – заключила гадалка и попыталась подняться.

Сон вернул ей потерянные во время гадания силы, но все же когда Яна встала на ноги, голова у нее закружилась. Она закрыла глаза, снова села на постель. Где-то в коридоре послышался Сашин кашель. Милославская не спеша поднялась и неторопливо стала натягивать на себя одежду. Вздохмаченная, она воровски выглянула в коридор и, пока никто ее в таком виде не заметил, проскользнула в ванную, где скоро привела себя в божеский вид.

Джемма поприветствовала спускающуюся по лестнице хозяйку радостным лаем.

– Ну-ну, – успокоила ее гадалка, потрепав по холке.

– Присоединяйся, – сказал Саша, подув на ложку горячего супа, которую он держал перед собой.

На поверхности его тарелки симпатично плавали румяные фрикадельки. Яна втянула ноздрями распространившийся от блюда аромат и, закатив глаза, произнесла:

– Чудо!

– Садись, садись, – поторопила гадалку Марина, опустив половник в высокую фарфоровую супницу, – аппетит во время еды придет.

– Кажется, он уже пришел, – ответила Милославская и присела за стол.

– Мы похозяйничали немного, – виновато произнесла Марина.

Яна взглянула на нее непонимающе.

– Покормили Джемму, – пояснила та. – Она на сумку твою спортивную лает и лает. Мы испугались даже, думаем, что там такое. Но будить тебя не стали, решили, уж извини, проверить. А там сверху пачка ее корма. Вот и...

Собака словно поняла, о чем говорили, и виновато заскулила.

– Вот я тебе! – пригрозила ей Милославская.

– Да ладно! – успокоил Яну Федотов. – Она не хотела, чтоб тебя разбудили, просто. Тем более мы ее не чем-то там кормили, а ее собственным кормом.

Гадалка промолчала и стала, обжигаясь, осторожно хлебать суп.

– Расскажите мне о семье Ермаковых, – сказала она несколько позже, отодвигая от себя пустую тарелку и придвигая кофе, решив, что нет смысла тянуть и надо взяться за дело.

– Ну-у... – многозначительно протянул Саша. – У Евдокии Федоровны два сына. С первым ты уже знакома, – Федотов замолчал, наливая в свою чашку сливки.

«Ага, – заметила про себя гадалка. – Но Витька совершить преступления просто не мог. Ведь смерть матери вызвала у него шок, истерику».

– Есть еще один сын, Леня, – Саша тяжело вздохнул. – Но тот просто подарок!.. – выразительно добавил он, покачивая головой.

«За него мне и надо взяться, раз так» – подумала Милославская.

Федотов хотел сказать еще что-то, но гадалка его перебила.

– Могу я попасть в дом? Мне надо осмотреть его более тщательно, – пояснила она.

– Нет вопросов, – Саша пожал плечами, – сейчас отвезу.

Приятеля молчаливо закончили трапезу. Потом Федотов с Милославской, прихватившей и Джемму, пошли к стоянке за машиной, а Марину оставили в доме, так как она неважно себя чувствовала, да и в доме нужно было навести порядок.

Яна с Сашей в ногу шагали по наезженной дороге, и он рассказывал ей про счастливую молодость Евдокии Федоровны, а Милославская тем временем невольно вспоминала неприглядный облик женщины, вынудой из петли, и с грустью думала о смысле человеческой жизни.

– Тут подожди, – сказал Федотов, скрываясь за железными воротами стоянки.

Вскоре он появился перед гадалкой на сверкающем чистотой автомобиле, который по его просьбе тщательно вымыли.

– После езды по багаевским путям вряд ли он останется таким же свеженьким, – пробормотала Яна.

Саша притормозил, и Милославская, потянув за собой собаку, уселась на заднее сиденье. Федотов резко тронулся с места, и машина рванула вперед, оставляя позади себя высокие клубы пыли. Приятелям пришлось наглухо закрыть окна и включить в машине кондиционер: был самый типичный жаркий летний полдень.

Оба они молчали, потому что настроение совсем не располагало к дружеским разговорам. Только когда невдалеке появились очертания домов, Яна спросила:

– Кажется, приехали?

– Угу, – промычал Саша.

Видно было, что чем ближе они подъезжали, тем больше он волновался. Милославская тоже испытывала какие-то неприятные чувства, но она пыталась подавить их в себе, зная, что по долгу службы просто не имеет права потакать им.

Федотов подогнал автомобиль прямо к воротам. Приятеля не спеша вышли на улицу. За калиткой слышалось шарканье метлы. Саша удивленно пожал плечами и, приподняв щеколду, открыл дверь.

Посреди двора стоял Витька и размахивал пышной чилигой из стороны в сторону. Увидев перед собой вошедших, он остановился и исподлобья посмотрел на них. Саша протянул ему руку. Тот крепко пожал ее.

– Ты чего это? – спросил Федотов, окидывая взглядом двор.

– Да порядок навожу, а то люди придут... Скажут...

Милославская подошла к крыльцу, которое Витька или его жена уже успели начисто вымыть, поднялась по ступенькам и стала осматривать дверь, пытаясь определить, не был ли взломан замок. Практически сразу она поняла, что с ним все в порядке.

Федотов тем временем отозвал Ермакова немного в сторону и что-то тихо стал говорить ему. Он указывал на гадалку, поэтому о содержании их разговора ей нетрудно было догадаться. Витька терпеливо, или Милославской только так показалось, выслушал своего родственника, а потом довольно громко и немногословно дал ему понять, что в доме матери, дабы не осквернять ее память, никаких гадалок видеть он не хочет.

Федотов неловко покосился на Яну и оттянул Ермакова еще немного в сторону. Снова стал тихо, но теперь уже нервно, что-то объяснять ему. Гадалка сделала вид, что не обращает на них абсолютно никакого внимания, но краем глаза она невольно следила за ходом разговора. Витька опять возразил, и тогда Федотов, не выдержав, обрушился на него с трехэтажным матом, нисколько не заботясь о том, что теперь их слышит не только Милославская, но и те, кто, возможно, проходит в этот момент мимо дома. Ермаков в ответ злобно махнул рукой, бросил метлу и вышел со двора.

Саша подошел к гадалке, встал на цыпочки и стал шарить рукой где-то над дверью. Вскоре он извлек из нехитрого укрытия ключ и протянул его Яне.

– Заходи, – сказал он, – пойду догоню его, успокою.

Федотов бегом направился на улицу, и вскоре Яна уже не слышала его шагов.

Милославская привязала Джемму у крыльца, вставила ключ в замочную скважину, сделала им несколько оборотов и толкнула дверь, которая послушно перед ней раскрылась. Изнутри на нее пахнуло прохладой. Ожидаемого Яной неприятного запаха не было.

Гадалка осторожно переступила порог и оказалась в небольших сенцах, где на самодельных деревянных полках валялась какая-то старая обувь. Яна старательно оглядела тут все и ничего для себя примечательного не нашла.

Милославская двинулась далее, с силой толкнув тяжелую толстую деревянную дверь, ведущую в небольшой квадратный коридорчик, служащий в зимнее время и раздевалкой, и кухней одновременно. Тут и развернуться-то было негде, но женщина жила одна, а потому приспособилась как-то вести хозяйство и в таких условиях.

Яна наклонилась к выкрашенному белой краской низенькому столу, накрытому прорезанной местами клеенкой, и, повернув защелку, распахнула его дверцы. Ее обдало странным запахом, составленным из ароматов специй, духа перележавших круп и той неприятной для обоняния ноты, которая всегда исходит от старой мебели. Милославская пошарила немного внутри, обнаружив около десятка тканевых небольших мешков с остатками пшена, гороха, перловки и прочего и стеклянные незакрытые банки с лаврушкой, гвоздикой и еще какой-то молотой специей. В углу, в старой металлической банке из-под дешевого молотого кофе стояла наполовину сгоревшая толстая свечка. Рядом с ней лежал помятый спичечный коробок.

Гадалка закрыла дверцы, окинула взглядом два невысоких табурета, на верхнюю часть которых были натянуты сшитые из шелковой цветастой ткани пестрые сидухи со вставленным в них поролоном. Нет, ничего тут не предвещало присутствия преступника.

На прибитой высоко кованой вешалке скучали старое потертое пальто, болоньевая длинная куртка, выцветшая телогрейка, а на верхней полке небрежно лежал старый теплый плащ и кроличья серая ушанка, давно отжившая свое. Стены были, как показалось Яне, не так давно выбелены известью с добавлением синьки. Пол застилал круглый половик, сплетенный из маленьких кусочков разных материй. От всего этого веяло каким-то умиротворением. Тихонько тикал на узком маленьком подоконнике старенький будильник. Вряд ли злодею тут что-то могло понадобиться. Впрочем, Милославская еще утром, когда выходила отсюда с мыслью не о самоубийстве, а об убийстве, заметила про себя, что в этой комнате чужой человек едва ли к чему-то прикасался.

Набравшись мужества, гадалка шагнула в главную часть дома, где еще совсем недавно лежала покойница. Тут кое-что изменилось: Витька успел аккуратно заправить постель, расправил узкие длинные дорожки, до того сбитые в кучу. В остальном все было как прежде: скромно и чисто.

Яна случайно посмотрела на икону и невольно задержала на ней свой взгляд. Неожиданно в окно громко постучали. Милославская вздрогнула. Она сделала несколько осторожных шагов, чтобы увидеть, кто пожаловал – за окном рука об руку стояли Федотов и Ермаков. Ее приятель успокоившийся, а Витька, как показалось, немного виноватый. Гадалка отодвинула занавеску и вопросительно кивнула, глядя на Сашу.

– Мы до города доедем. Кое-что решить надо. Тут будешь? – крикнул он.

Но кричать и не надо было. Милославская и так все отлично слышала сквозь приоткрытую форточку.

– Тут, – ответила она, обрадовавшись, что сможет спокойно «поработать».

Витька с Сашей сели в машину и скоро скрылись из виду. Яна знала, что может прийти и еще кто-то из родственников, поэтому, чтобы обезопасить себя от неожиданного визита, она

изнутри закрылась на ключ и, вытащив его из скважины, вернулась в комнату. Было немного жутковато, но гадалка и не в таких ситуациях бывала.

Она присела на табурет, закурила, задумалась. «Как же преступник мог проникнуть сюда?» – вертелось у нее в голове. Поначалу Яне подумалось, что Евдокия Федоровна наверняка знала его и открыла дверь ему сама. Потом она заметила, что одно окно, выходящее во двор, полностью выставлено и заменено тонкой деревянной рамой, обтянутой мелкой сеткой. Так в деревне спасаются от жары. Бояться тут, как, наверное, казалось Ермаковой, некого. А Милославской теперь представлялось, что убийца вполне мог проникнуть в дом и этим путем, довольно быстро и практически без шума, скрипа дверей, лишних объяснений насчет позднего визита и прочего.

Гадалка подошла к окну и осмотрела раму. Она довольно легко, одним только нажатием вынималась и так же легко, даже с улицы, вставлялась обратно. То есть злодей мог проникнуть в дом, сделать свое дело и вернуться назад, практически ничем не выдав своего присутствия, надеясь, что увиденное сочтут за самоубийство и разбираться ни в чем не станут, так как женщина старая, свое уже все равно отжила.

Милославская еще раз вспомнила увиденную утром картину. Да, только скомканные половики говорили о происходившей тут суете. Но смешать их мог и перепуганный Витька и, вероятнее всего, он это и сделал, так как убийца, даже если что-то и нарушил, непременно привел все в прежнее состояние, боясь выдать себя.

Подумав поначалу, что раз сын покойницы ничего странного в доме не увидел, то ей тем более этого не заметить, гадалка все же решила все хорошенько осмотреть, поскольку какая-нибудь мелочь, что нередко бывало, могла вывести на след. Она стала рыться во всем, что только попадалось ей на глаза. Переворошила весь шкаф, нашла альбом с фотографиями, пересмотрела их все, заглянула под матрас, где ничего кроме скомканных чулок не нашла, пересмотрела оторванные листы перекидного календаря, заботливо сложенные на столе стопкой, изучила содержимое тумбы под телевизором, покопалась в ящиках трюмо, полных всяких ненужных мелочей. В общем, ко всему в этой комнате Яна приложила свою руку. Уставшая, разочарованная, она присела на край сундука и снова стала курить.

– А! – вдруг вскрикнула она. – Сундук! Сундук! Как же я про него... Он скатертью накрыт, и не заметишь...

Милославская затушила сигарету, присела, осмотрела тяжелую крышку сундука. Ее надежно держал средних размеров навесной замок.

– Спилить? – спросила она себя.

Но тут же обругала свою голову за глупые мысли. Секундой позже вспомнила, что на одной из полок шкафа, под нижним бельем, обнаружила какой-то ключ.

– Ерунду в такие места не прячут, – пробормотала она и подошла к шкафу, чтобы достать его.

Заполучив ключ в руки, гадалка чмокнула его, едва касаясь губами, хотя и не знала заранее, то ли это, что ей нужно. Она встала на колени, чтобы возиться с замком было удобнее, и попыталась вставить ключ в скважину. Он довольно легко вошел в нее.

– У-умница! – протянула Милославская.

Она повернула ключ вправо, но тот не поддавался, стоял на месте. Попробовала влево – то же.

– Черт побери! – захныкала Яна.

Со злости она стала тормошить ключ в замке туда-сюда, и... он неожиданно повернулся. Ржавая дужка тут же выпала из круглого отверстия.

– Ах, вот как все про-осто, – расплываясь в широкой улыбке, протянула гадалка.

Она осторожно вытащила замок из петли и положила его рядышком с собой на пол. Прихватила с боков крышку сундука и потянула ее вверх.

– Эге! – крихтя, воскликнула Яна. Крышка оказалась непредсказуемо тяжелой.

Тем не менее Милославская с ней справилась, открыв ее до конца и привалив к стенке. Содержимое сундука, занимающее его меньше, чем наполовину, сверху было накрыто желтой льняной скатертью. Не церемонясь, Яна отодвинула ее в сторону и обнаружила бумаги разного рода.

В правой стороне аккуратной стопкой лежали поздравительные открытки и письма. Милославская стала их просматривать. В основном это была корреспонденция, писанная давным-давно. Многие конверты совсем пожелтели. Заставив свою совесть замолчать, гадалка решила хотя бы бегло прочесть содержание каждой из этих вещей.

Она пробежала глазами строчки и узнавала, с кем Евдокия Федоровна имела очень теплые отношения, а с кем похолоднее. Некоторые письма дышали любовью и тоской, а некоторые были просто отпиской, содержащей пару заурядных фраз о здоровье, работе, семье и два-три вопроса к адресату на ту же тему. Открытки в основном несли штампованный текст: желаю счастья, успехов в работе и так далее. Две-три штуки, правда, были с изюминкой, и Яна даже решила запомнить их содержание, для себя, на всякий случай.

Спустя некоторое время гадалка уже имела определенное представление о знакомых, близких и родных Ермаковой, живущих вне Багаевки. Но, главное, она сделала для себя вывод о том, что никто из них не угрожал Евдокии Федоровне, не был ее лютым врагом.

Отдельно от открыток и писем зачем-то хранилась солидная стопка газет, в основном времен царя Гороха, а вернее – Советской власти. С серо-желтых страниц кричали авторитарного настроения заголовки. На всякий случай Яна пересмотрела их и не нашла ничего интересного в плане ведомого ею расследования.

Третью стопку составляли несколько целлофановых пакетов. В первом Милославская нашла паспорт телевизора, радио, инструкции к использованию миксера и скороварки и еще кое-какие бумажки того же направления. Во втором были газовая книжка, книжка по оплате электричества и ряд документов на дом. Они свидетельствовали о том, что Евдокия Федоровна являлась единоличной его владелицей и долгов по разным платежам не имела.

Третий пакет заполняли личные документы самой умершей: паспорт, военный билет (как оказалось, она была военнообязанной), пенсионное удостоверение, удостоверение ветерана труда, старый профсоюзный билет, с фотографии на котором смотрела совсем еще молодая симпатичная женщина, пара-тройка грамот за особо добросовестный сельский труд и еще несколько бумаг, не имеющих особого значения. Милославская все тщательно просмотрела и отложила в сторону.

В самом низу под этими пакетами она нашла нечто замотанное в белую хлопковую тряпицу и стала торопливо разворачивать ткань. Под тканью оказалась красная картонная папка. Женщина с трепетом раскрыла ее. Найденное Яну более чем порадовало.

– Не зря я столько сил тут положила! – воскликнула она.

Внутри папки гадалка нашла документ, свидетельствующий о том, что дом завещан Витьке и только ему. «А как же второй сын, тот, который „подарок“? – пронеслось у нее в голове. – Неувязочка получается...»

Неожиданные подозрения вдруг закрались в сознание Милославской.

– Неужели Витька? – прошептала она. – Он и меня сюда пускать не хотел... Хотя нет... Ведь он так убивается! Хотя... Дурак что ли он, чтоб не убиваться, заподозрят же! Ведь от версии убийства вон как отмахивался, хотя факт налицо. Похоронить ему скорей и все... Нет, тут дело, кажется, нечисто.

Залаяла Джемма. Лязгнула щеколда. Яна быстро поднялась на ноги и глянула в окно, выходящее во двор. В калитку заходили Ермаков и Федотов. В руках они несли какую-то картонную коробку.

Милославская быстро вложила документ назад в папку, сунула ее в сундук, с силой потянула его крышку, отчего та, упав на место, неожиданно громко хлопнула. Дрожащими руками она быстро расправила вязаную скатерть на поверхности сундука, всунула замок в петлю и попыталась его закрыть. Однако ключ никак не хотел поворачиваться.

Гадалка еще раз выглянула в окно. Первую коробку мужчины поставили на крыльцо, а теперь несли туда же вторую. Решив не рисковать, Яна оставила замок висящим в петле, но незакрытым и натянула пониже скатерть, чтобы замка не было видно. Ключ же сунула назад в шкаф. Сама тут же кинулась к входной двери, чтобы отпереть ее. Саша и Витька как раз скрылись за калиткой, выйдя, наверное, за очередной коробкой. Какие-то секунды, и гадалка снова была в передней комнате. В сенях через несколько мгновений послышались голоса. Милославская села на табурет и приняла непринужденный вид.

Мужчины вошли оба мрачные, уставшие.

– Ну? – спросил ее Федотов.

– Что ну? – ответила она. – Я еще раз убедилась, что тут совершено преступление.

Саша посмотрел на Ермакова. Тот скривил рот в какую-то болезненную улыбку. «Ага! – подумала гадалка. – Вот оно нехорошее наружу-то и вылезит!»

– Да у нас на деревне, – заговорил вдруг Витька, – самое большое преступление за последнее десятилетие – это кража телки у Ивановны.

Он махнул рукой и отвернулся. Мужчины прошли в комнату и сели к столу. Стали разговаривать между собой о приобретенных покупках. Яна же пристально наблюдала за Витькой. Взгляд его был тосклив, речь тиха и спокойна. Федотов вдруг глянул внимательно на рубашку Ермакова и сказал:

– Это ж мать тебе лет пять назад покупала, да?

Тот в ответ только кивнул головой, потом вдруг сморщился, упал на руки, лежащие на столе, и беззвучно затрясся. Саша молча похлопал его по плечу. Милославская в этот момент засомневалась в своих первоначальных подозрениях насчет Витьки.

– Ну ладно, Витек, хватит, – сказал, поднимаясь со стула Федотов. Он перевел взгляд на гадалку и спросил: – Едем?

Яна кивнула.

– Пора нам, Вить, – тихо произнес Саша. – Да и ты домой иди. Завтра день тяжелый.

Ермаков отрицательно затряс головой.

– Ты порядок тут навел, – стал уговаривать Федотов, – продукты мы основные купили, завтра остальное привезу. Кстати, идем-ка их в подпол опустим.

Саша двинулся к выходу. Витька поднялся и пошел за ним. В кухне Ермаков наклонился и откинул половик, под которым оказалась деревянная квадратная крышка погреба с тонким металлическим кольцом. Витька дернул за кольцо и поднял крышку. Потянуло сыростью. Федотов нажал на одну из кнопок выключателя, и в подполе загорелся свет.

– Неси, – сказал родственнику Ермаков, спускаясь вниз по железной ржавой лестнице.

Саша пошел на крыльцо за коробками, а Яна решила воспользоваться моментом и поинтересоваться содержимым подземного помещения, которое сегодня она упустила из виду. Она присела на корточки на самом краю подвала и заглянула внутрь. Ермаков уже стоял на бетонированном полу. Он явно чувствовал, что гадалка смотрит сверху, но, казалось, был полностью к ней безразличен или намеренно пытался не замечать ее присутствия. Витька просто опустил глаза в пол, руки упер в бока и ждал Федотова. Тот не заставил себя ждать и появился на пороге кухни весь красный и с трудом удерживающий тяжелую, видимо, коробку. Не увидев в погребе ничего, кроме десятка банок с вареньями и соленьями, гадалка решила удалиться, чтобы не мешаться под ногами.

Спустившись с крыльца, она отвязала собаку, а выйдя за ворота, облокотилась на капот Сашиной машины и закурила. Яна решила ничего пока не говорить Федотову о результатах

своих поисков и первых подозрениях. Он вряд ли бы в них поддержал ее. Судя по всему, их с Ермаковым связывали самые теплые отношения. К тому же в практике гадалки нередко бывало, что излишняя осведомленность клиентов о ходе расследования только мешала этому ходу.

«Зачем он позвал Федотовых, если виновен? – спрашивала она себя. – Хотел создать себе дополнительное алиби? Хотел, чтоб было больше свидетелей его душевных терзаний? Или же... Помощь богатых родственников в похоронах ему была нужна так и так, и он в любом случае рано или поздно обратился бы к ним», – заключила гадалка в итоге.

Через несколько минут во дворе слышались голоса. Витька и Саша спускались с крыльца. Ермаков, хмурясь, отряхивал с себя пыль. Они, переговариваясь, приблизились к калитке и вскоре уже стояли за воротами напротив Милославской.

– Едем? – спросил ее Федотов.

– Мугу, – промычала в ответ гадалка.

– Ну давай, Витек, – произнес Саша, хлопнув родственника по плечу. – Ты все же иди, отдыхай, – посоветовал он на прощанье и открыл дверцу машины.

Яна позвала Джемму и тоже поспешила разместиться в автомобиле.

Когда тронулись с места, гадалка обратилась к Саше:

– А ты до города меня не подбросишь?

– Что? Как? – удивился тот. – Ты отказываешься от дела?

– Ну что ты! Вовсе нет. Просто дом там у меня без присмотра. Я и не думала, что тут задержусь. Проведать хочу, да и... обмундирование сменить, – Яна с каким-то отвращением подумала о своем внешнем облике.

– А-а-а, – понимающе протянул Саша. – Тогда, конечно, довезу.

Федотов ускорил ход своего автомобиля, и всю оставшуюся дорогу приятели провели молча. Разворачиваясь у ворот Яниного дома, Саша, высунув голову в окно, крикнул ей, открывающей калитку:

– Не пропадай!

– Ты плохо обо мне думаешь, – ответила Милославская, немного улыбнувшись, и скрылась во дворе.

ГЛАВА 7

– Ну что, дорогая моя, снова в дорогу? – обратилась гадалка к Джемме, глядя ее по холке. Яна немного помолчала и, поднимаясь с корточек, добавила: – Только позавтракаю.

Собака растянулась во весь рост на коврик, понимая, наверное, что данная процедура не бывает скоротечной. Милославская перелила кофе из серебряной джезвы в чашку, поставила ее на стол, прикурила и, поджав под себя ноги, уселась за стол. Она делала маленькие глотки, чередуя их с затяжками дыма, и строила планы на грядущий день. Самыми актуальными ей казались сейчас поиски Витькиного дома и «оценка» его быта. Если, как думала Яна, она увидит жизнь, протекающую в особой нужде, то подозрения ее обретут более твердую почву под ногами. Ну, а если вдруг состояние ермаковского жилья удовлетворительное, гадалке пришлось бы, увы, сматывать удочки.

Ополоснув опустошенную чашку, она убрала ее в шкаф, десять минут потратила на неброский макияж, пять – на приведение прически в порядок и была готова к выходу. Заранее гадалка приготовила сумку с чистой одеждой. Она всегда считала, что лучше перебдеть, чем недобдеть – все же неожиданные обстоятельства могли задержать ее в «чужих» краях на неопределенное время. Перекинув эту сумку через плечо, а маленькую дамскую кокетливо зажав под мышкой, Милославская покинула дом. Джемма с самыми серьезными намерениями устремилась за своей хозяйкой.

Вскоре уже такси мчало их в сторону злополучной деревни. Водитель весело насвистывал в тон энергичной музыке, выпрыгивающей из четырех колонок, вмонтированных в передние двери и в заднюю панель автомобиля. Сначала это стало раздражать Милославскую, но потом она подумала: «Гнев мой – враг мой» и решила, что гораздо предпочтительнее считать танцевальную мелодию хорошим настроением на полный различных предприятий день. С такими мыслями и подобным им настроением гадалка и прибыла в Багаевку.

По дороге туда она, правда, заскочила на дачу к Федотовым, где оставила свой «багаж», бросив новую сумку рядом с оставленной вчера. Супруги были обрадованы ее визитом, и, хотя оба сказали, что не сомневались в Милославской, Яна легко догадалась об их переживаниях на этот счет. Она редко бралась за дела вне города, а тем более в селе, где, собственно, и преступность-то, к счастью, сводилась к краже коровы, свиньи или избиении жены пьяным в стельку мужем. Так что Саше с Мариной было о чем тревожиться. Однако гадалка являлась верным другом и бросить дело вот так на полпути у нее даже и мысли не было. Да и вообще, дело ее, особенно после видения, представившего кувшин с золотом, «зацепило».

Марина хотела усадить подругу за чай, но та скороговоркой отказалась, кивнув на стоящее у ворот такси.

– Да я отвезу! – вызвался Саша.

Яна махнула рукой: в его компании при выполнении предстоящей задачи она не нуждалась. Улыбнувшись провожавшим ее супругам через автомобильное стекло, гадалка исчезла у них из виду. Через несколько минут она уже прибыла на место.

Село тянулось перед Милославской метрах в ста. Первая улица, да и вся деревня, если глянуть на нее откуда-нибудь сверху, была похожа на извилистую змейку. Яна преднамеренно попросила таксиста остановиться немного не доезжая до деревни – ей не хотелось привлекать к своей персоне излишнее внимание. Ведь в этой «дикой» провинции до сих пор еще бытовало мнение, что «наши люди на такси не ездят».

Милославская отпустила водителя и торопливо зашагала вперед по тропинке, окруженной низкорослой полынью. Глиняно-песчаная почва промеж нее была хорошо утоптана за десятки лет, в течение которых селяне ходили куда-то именно этой тропой. Горький запах травы нисколько не отпугивал насекомых, которых вокруг мельтешило великое множество.

Мелкие черные мошки стаей кружили у гадалки над головой, а назойливый овод так и норовил цапнуть ее за плечо, от которого она его тщетно отгоняла взмахами рук. Джемма же, плетясь позади хозяйки, пыталась хоть кого-нибудь поймать на ходу и то и дело щелкала зубами.

Земля хорошо прогрелась в эти знойные дни, и тут, где поблизости не было ни одного дерева, от нее тянуло не то что теплом – жаром. Местами почву дырявили круглые норки сусликов. «Степь да степь кругом», – подумала Милославская. Ей вдруг захотелось окунуться в прохладу реки или любого другого водоема, но приходилось все так же мерить путь быстрым шагом.

Вскоре Яна поравнялась с первой сельской улицей и немного сбавила шаг. Она смотрела по сторонам, потому что хотела спросить у кого-либо из односельчан Витьки о том, где тот живет. Однако вокруг было пустынно. Только горластые петухи будили тишину своими хриплыми криками. «Тишь да гладь, божья благода-ать», – подумалось Яне, и она с наслаждением втянула ноздрями сильно отличающийся от городского воздух. Словно отрезвленная им, гадалка прошептала:

– В тихом омуте черти водятся!

Решив быть начеку, она замаршировала дальше. Улица в этот час вся освещалась яркими лучами солнца, и практически нигде не было тени. Небогатые домишки, казалось, и то жмурились, будучи вот так беспощадно выставленными напоказ. Милославская довольно скоро почувствовала, что у нее на лбу выступили капельки пота.

Заметив немного в стороне невысокую колонку, гадалка направилась к ней. Нажала металлический короткий рычажок и наклонилась, чтобы напиться. Сделав несколько больших глотков, она смочила ладони и провела ими по лбу и щекам.

– Здгасте, – слышалось у нее за спиной.

Яна обернулась. На нее смотрел беззубый мальчуган лет семи. Он был очень загорелый и по цвету кожи напоминал мулата. А незадолго до этого кто-то, судя по всему, постриг его налысо, и теперь во всей его небольшой худощавой фигурке сразу привлекала эта белая, скрытая ранее под волосами лысина. Мальчуган положил на землю большущий, не по его росту велосипед, на котором он приехал, и подошел ближе к колонке, косясь на Джемму, лакающую воду из небольшой лужицы, образовавшейся рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.